

В России Валери Лемерсье почти неизвестна. Но во Франции — она одна из самых популярных фигур национального шоу-бизнеса. Актриса кино и кабаре, сочинительница юмористических скетчей, режиссер, художник — по-служной список Лемерсье на редкость разнообразен.

Весной на экраны Франции вышла комедия "Задница" (Derriere), в ней Лемерсье выступила в трех амплуа — сценариста, режиссера и исполнительницы главной роли. В лучших традициях комедии дель арте (с поправкой на нравы конца XX века) ее героиня переодевается мальчишкой, чтобы проникнуть в мир парижских гомосексуалистов, где живет ее отец, которого она никогда не видела.

«Хочу играть Все!»

Валери ЛЕМЕРСЬЕ:

Новое имя

— Вы сочинили этот фильм, потому что хотели сыграть мальчишкой?

— Я хочу играть все. Почему на сцене я могу перевоплощаться в любого персонажа, а в кино ограничена женскими ролями?

— Как родилась идея фильма "Задница"?

— Вначале история была совершенно другой. Это была история мести. Девушка переодевалась парнем, очаровывала отца-гея, и в самый решающий момент раскрывала перед ним сразу две страшные тайны. Постепенно история мести начала смягчаться и превратилась в историю самопознания. Девушка хочет понравиться отцу и поэтому решает предстать перед ним в наиболее соблазнительном, как ей кажется, виде. В этом и состоит ее ошибка. Она не хочет принимать себя такой, какая она есть.

— Вы хорошо знаете среду парижских геев?

— Когда я только приехала в Париж, мне пришлось выступать в кабаре геев Piano Zinc. Меня хорошо принимали, смеялись. Но я быстро поняла, что в таком месте у женщины очень мало свободы маневра. Или она должна быть очень красивой — и тогда все ее просто уважают, или она не красавица, и тогда ей приходится стать объектом, на котором высмеиваются женские недостатки.

— Трудно ли вам было найти общий язык с другими актерами на съемках "Задницы"?

— В первый день съемок я немного побаивалась, но была уверена в себе и своих силах. Но после первой же репетиции с актерами я едва не закрыла весь проект. Они были шокированы моим подходом — я диктовала им все, вплоть до интонаций! Клод Риш, играющий моего отца, позже признавался, что его покорила мой стиль работы — он почувствовал себя как начинающий актер. Постепенно мы притерлись друг к другу, и сейчас, когда фильм готов, я вижу: мои идеи были правильными. Возможно, актеры пришли бы к этому и самостоятельно, но я не хотела рисковать.

— Как вы конструируете смешные ситуации?

— Интуитивно. Я знаю, что смешное почти всегда связано с наивным. Основа — хороший текст. Но он должен производить впечатление спонтанности, случайности. И хотя я терзала актеров, добиваясь от них нужной интонации, сама я практически не репетировала. Я никогда не репетировала свои спектакли. Никогда не устраиваю прогонов перед премьерой. Поэтому, кстати, в день премьеры спектакли не так уж хороши. Некоторые репетируют до последней минуты. Я до последней минуты сочиняю. Если текст мне нравится — все остальное приложится само собой.

— Что было труднее во время съемок: оставаться женщиной, оставаться комиком или оставаться актрисой?

— Оставаться женщиной. Женская оболочка прозрачнее мужской, все фрустрации рвутся наружу. Когда я сегодня смотрю на свои фотографии со съемочной площадки, то говорю себе: "Какой ужас!"

— Сколько вам было лет, когда вы почувствовали желание смешить людей?

— Три года. Я чувствовала, что в этом состоит мое предназначение. Родители часто собирали дома друзей, и я постоянно придумывала всякие трюки, чтобы их насмешить. Если мне это удавалось, я спокойно шла спать. Потом стала изображать людей, которые приходили к нам в дом. Мы жили в Гонзвилле — это небольшой поселок в Сен-Маритим. Родители занимались сельским хозяйством. Когда я рассказываю об этом, никто мне не верит. Они уверены, что я парижанка. Им не верится, что в провинции можно иметь нормальное детство, хорошее образование и возможность жить, как тебе нравится. И я, и три мои сестры — мы не чувствовали себя обделенными из-за того, что жили в провинции.

Я пошла поступать в консерваторию в Руане, прошла конкурс, и меня взяли. В школе я тоже продолжала учиться, но сцена привлекала меня больше. Мне было 15 лет.

— Вы помните ваш первый выход на сцену?

— В "Доме Бернарды" Гарсия Лорки. Я играла злодейку — а люди в зале хохотали. Я поняла, что драма —

не мой стиль, но наш преподаватель был на меня зол, ему казалось, что у актрис должно быть амплуа. Я не подходила ни на субретку, ни на злодейку, ни на инженю. Но меня это не расстраивало.

— А как родители относились к вашему увлечению?

— Они не возражали и не поощряли. Кстати, они часто водили нас в театр. Мы смотрели пьесы Рено-Барро. А Клод Риш всегда был любимым актером моей мамы. Я легко могла представить себя театральной актрисой. Правда, я и подумать не могла, что буду сниматься в кино.

— Вы приехали в Париж...

— ...в 18 лет. Я стояла на авеню Опера и у меня кружилась голова от счастья. Я была совершенно одна. Я никого здесь не знала, кроме подружки Брижитт. Думаю, мой взгляд на Париж всегда будет немного провинциальным. Я люблю Париж больше, чем парижан. Я чувствую, что быть здесь — везение.

— Почему вы решили учиться дальше? Вы еще не были в себе уверены?

— Я записалась на курсы драмы, только там можно было познакомиться с нужными людьми. Моим преподавателем был Жан-Пьер Мартино, у которого также училась Жюльетт Бинош. Я занималась три года и работала в галерее Лафайет, зарабатывая на жизнь. Это был очень ценный опыт: чтобы продать вещь, нужно убедить покупателя. Это так забавно — продавать косметику, парфюмерию. Люди покупают то, чем им хочется стать.

— Вы часто ходили на кастинги?

— Нет. Первый же кастинг, на который я пошла, позволил мне сняться в рекламном ролике. Потом меня взяли на ТВ в передачу "Дворец" — вернее взяли сразу большую группу молодежи, они ее называли "вторым планом". Меня называли "дамой в зеленой шляпе", мне было обидно. Я пошла к Жан-Мишелю Рибю и сказала, что не хочу больше работать, потому что в галерее Лафайет меня по крайней мере знали по имени — оно было написано на значке, который я носила на груди! Он засмеялся и дал мне небольшую роль. Потом еще и еще. После этого телешоу за мной закрепилась репутация буржуазки. Когда Луи Маль решил взять меня в свой фильм "Милу в мае", он подумал, что мне 45 лет!

— Он был сильно разочарован?

— Когда он рассмотрел меня в натуральном виде — да. Мне было 24 года. Он долго искал другую актрису, но никого не нашел и попросил меня сыграть 45-летнюю даму. Я сказала, что вообще-то являюсь актрисой, а не манекенщицей. И сыграла. Если бы он попросил сыграть 65-летнюю — я бы тоже сыграла.

— Что заставило вас начать сочинять?

— Мне нужно было найти выход моей энергии. До этого я изображала клоуна на вечеринках. Если бы я стала художником, могла бы работать в

одиночестве, но комик должен смешить. Сначала я сыграла с Кристианом Клавье в его юмористическом спектакле, потом решила поставить собственный спектакль в Splendide.

— Это был смелый шаг со стороны практически неизвестной актрисы.

— Первые 15 дней зал был полупустой. Потом обо мне узнали, зал наполнился. Мы дали 700 представлений! И ни разу я не уходила из театра недовольной. Спектакль со временем только улучшается — как хорошее вино.

— Ни один из ваших спектаклей не записан на видео. Почему?

— Поначалу я говорила себе: "Спектакль еще сырой, нужно его лучше обкатать". Потом я поняла, что намеренно оттягиваю запись и стала спрашивать себя: "Почему я так боюсь?" И постепенно поняла, что запись на пленку станет предательством по отношению к зрителям, которые приходили смотреть его живьем. Я не могу играть и для зрителей, и для камеры.

— Кино долгое время не знало, что с вами делать.

— Жан-Мари Пуаре взял меня в второстепенную роль в комедию "Операция "Тушенка". Позже он признался, что побаивался меня и моих шуточек. Но когда съемки благопо-

лучно окончились, он написал специально для меня двойную роль в "Пришельцах".

— Вас до сих пор преследует успех "Пришельцев"?

— Я до сих пор слышу, как на улице вслед мне говорят "о'кей". Но после выхода второй серии все успокоилось.

— Почему вы отказались сниматься во второй серии?

— Я бы согласилась, но мне не понравился сценарий. Он не поднимался на уровень первого фильма.

— Обычно после успешного фильма актер получает много предложений. Но вас не было на экранах долго. Значит ли это, что вы отказались от всех сценариев?

— Не так уж много мне и предлагали. Лучше не сниматься вообще, чем сниматься в плохих фильмах. Я не из тех актрис, которые живут, только когда играют.

— Четыре года назад вы собирались сниматься у Мориса Пиала.

— Мне бы очень хотелось с ним поработать, но у него часто меняются взгляды. Когда он снимал "Дедулю", предложил мне на выбор три роли — 20-летней, 40-летней и 50-летней. Он сказал, что я понравилась ему в "Операции "Тушенка". Больше мы не созванивались, а потом я узнала, что он взял других актрис. После премьеры он ходил на мой спектакль в Theatre de Paris, и сказал мне: "Если бы вы сыграли в моем фильме, он имел бы больше успеха". Думаю, он ошибался.

— Вам потребовалось много времени, чтобы освоить кино как средство самовыражения?

— До "Задницы" мне казалось, что я могу выразить себя только на сцене.

— Кто из современных актрис вам нравится?

— Катрин Денев. Жюльетт Бинош. Сандрин Киберлен. Шарлотт Гейсбур. Я люблю актрис, которые умеют сыграть скрытые эмоции. Они привлекают, потому что в них есть загадка. У меня так не получается. Все мои эмоции читаются на моем лице. После "Голубой каски", где я постоянно рыдала, Морис Пиала сказал мне: "Рыдать должна не ты, а зрители".

— Каковы ваши планы на будущее?

— Сегодня я хочу только играть. Никакой режиссуры!

Мишель БАЙЕН
ПАРИЖ

Valérie Lemerçie

07.99